

⁴⁷ Оригинальное название — «El Corsario» (1914).

⁴⁸ Ошибочное указание: произведения под таким названием у данного автора нет.

⁴⁹ «Барнаво и несколько женщин» («Barnavaux et quelques femmes», 1908), «Луиза и Барнаво» («Louise et Barnavaux», 1912).

⁵⁰ Очерк, входящий в книгу «Trois hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïewski» (1913).

⁵¹ Видимо, предполагался роман «Семья Роквильяр» («Les Roquevillards», 1906), указанный в Каталоге «Всемирной литературы».

⁵² «Диалоги животных» («Dialogues de bêtes», 1904) — первая книга Габриель Сидони Колетт, изданная под ее собственным именем; ранее ее романы выходили под именем ее мужа — Вилли.

⁵³ Поэты Жюль Лафорг (1860–1887) и Жан Мореас (1856–1910), видимо, обозначены в конце перечня как случайно пропущенные при формировании раздела по второй половине XIX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-159-169

В. Ф. БОЦЯНОВСКИЙ. ЗАПИСИ РАЗГОВОРОВ С ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ (1921–1922)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Публикуемые записи разговоров с Федором Сологубом извлечены из архива историка литературы, критика, драматурга и мемуариста Владимира Феофиловича Боцяновского (1869–1943), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. 439). Рукопись выявлена в папке с рабочими заготовками для написания статьи или очерка о Сологубе, там же находится опубликованный текст некролога «Памяти Федора Сологуба: Писатель без улыбки» за подписью «В. Б.» — страница из журнала «Красная панорама» (1927. 24 дек. № 52), криптоним раскрыт автором (карандашом дописано: «Б-оцяновский»).

Судя по датировкам записей, работа была задумана Боцяновским задолго до кончины Сологуба (5 декабря 1927 года) и, вероятно, в другом формате — наподобие его ранних критико-биографических этюдов о М. Горьком, Л. Андрееве и В. Вересаеве, получивших в свое время широкую известность (отдельные издания: 1901, 1903 и 1904).

Однако в новой общественно-политической реальности подобный труд о Сологубе был обречен покоиться в письменном столе или под сукном у редактора. Боцяновский ограничился написанием некролога и мемуарного очерка, вошедшего в состав поминального триптиха «Ушедшие» (1928), который при его жизни остался ненапечатанным.¹

На фоне многочисленных заметок о кончине Сологуба в советской прессе текст Боцяновского был редким исключением — не только по объему (на всю журнальную полосу), но и по самой своей тональности, чуждой пролеткультурной риторике. В некрологе, опубликованном в журнале «Жизнь искусства», который всецело отвечал репрессивным установкам советской печати по отношению к «буржуазным» писателям, например, говорилось: «Сологуб стал теперь достоянием истории. И не только со своей смертью. Сама жизнь обошла его, сама жизнь захлопнула книгу его творений с того момента, когда Октябрьская революция разрубила гордые узлы общественных противоречий и социальных отношений нашей эпохи. Сологуб весь принадлежал вчерашнему дню. Среди нас он был тенью общественных настроений дореволюционной удушливой, жуткой, предгрозовой поры».²

¹ Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2012. № 3. С. 179–191.

² Державин Н. С. Памяти Сологуба // Жизнь искусства. 1927. 20 дек. № 51. С. 6.

Статья Боцяновского по своему пафосу была близка откликам на событие в зарубежной печати.³ Подзаголовок («Писатель без улыбки»), возможно, указывал на диалогическое единство автора с русским Парижем и русским Берлином.⁴

Боцяновскому удалось передать в поминальном слове о писателе собственное ощущение человеческой и культурной потери, а главное, подчеркнуть, без оглядки на пролеткультовский нигилизм, значение его творчества для русской литературы: «Произведения Сологуба еще не изучены и не получили надлежащей оценки, но уже сейчас совершенно ясно, что это был писатель и художник большого калибра».⁵

Записи двух разговоров с Сологубом, не вошедшие в некролог и очерк, производят впечатление фрагментов более пространного (вероятно, утраченного) целого текста, — в духе ныне известных записей бесед с Сологубом П. Н. Медведева⁶ и В. В. Смирнского.⁷

В начале 1920-х годов Боцяновский, как следует из его воспоминаний, нередко навещал писателя и мог вести записи его высказываний. Поводов для личных встреч, бесед и бытовых зарисовок у него было немало, поскольку он систематически следил за книжными новинками, печатал рецензии и заметки (в том числе — этюд о выступлении Сологуба в Доме литераторов с чтением глав из романа «Заклинательница змей»)⁸.

Отрывочный характер публикуемого текста не лишает его самостоятельного значения. Оба разговора записаны в трагические для Сологуба дни, определившие весь его дальнейший жизненный путь и содержание позднейшего творчества.

Первая запись датирована 21 октября 1921 года.

Разговор состоялся спустя месяц после гибели Ан. Н. Чеботаревской (покончила с собой 23 сентября 1921 года),⁹ когда Сологуб еще не верил в непоправимый исход событий и продолжал расклеивать объявления о розыске жены.

Тема разговора — поэзия, процесс поэтического творчества, художественная интуиция. Небольшие разрозненные фрагменты этой записи были использованы Боцяновским в некрологе.

Вторая запись датирована 7 мая 1922 года.

2 мая тело Чеботаревской было извлечено из речки Ждановки близ ее истока из Малой Невки у Ждановского моста — напротив дома, где жил Сологуб. Осенью 1921 года он переехал к Черношвитовым¹⁰ (угол Ждановской набережной и Малого проспекта Петроградской стороны, д. 3/1, кв. 26). В том же доме двумя этажами ниже он занял две комнаты в квартире № 22 (на третьем этаже), принадлежавшей известному

³ Это тема отдельной статьи, здесь мы ее касаться не будем.

⁴ См., например: *Волковысский Н.* Улыбка Сологуба // *Сегодня* (Рига). 1927. 18 дек. № 286. С. 5.

⁵ *В. Б.* Памяти Федора Сологуба: Писатель без улыбки // *Красная панорама*. 1927. 24 дек. № 52. С. 11.

⁶ Павел Медведев о Федоре Сологубе / Публ. и вступ. заметка Ю. П. Медведева и Д. А. Медведевой; прим. М. М. Павловой // *Звезда*. 2013. № 7. С. 94–115.

⁷ *Смирнский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // *Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 395–422.

⁸ См.: *Боцяновский В. Ф.* Федор Сологуб и его новый роман // *Вестник литературы*. 1920. № 3. С. 3–5.

⁹ Об обстоятельствах гибели Ан. Н. Чеботаревской см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 299–300; Воспоминания Т. Н. Черношвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / Публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой*. СПб., 2009. С. 489–496.

¹⁰ Черношвитова Ольга Николаевна (урожд. Чеботаревская, 1872–1943) — сестра Ан. Н. Чеботаревской, свояченица Сологуба, ее муж Николай Николаевич Черношвитов (1870–1938) — ученый-электротехник, профессор Политехнического института; их дочери: Александра (1904–1941?), Татьяна (1898–1967), Лидия (1907/1908–1985). Подробнее см.: *Черношвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 221–226.

правоведу, профессору Александру Семеновичу Яценко (1877–1934; с 1919 года в эмиграции в Берлине). О найденном теле Сологубу сообщил сосед по нижней квартире В. П. Белкин.¹¹

Сологуб присутствовал при опознании,¹² 5 мая после отпевания в храме Воскресения Христова останки захоронили на Смоленском кладбище. В тот же день К. А. Сомов записал в дневнике: «В 9 ч[асов] утра принесли письмо от Сологуба: 2-го числа нашли тело Наст[асьи] Ник[олаевны], прибитое к берегу на льдине близ того места, где она бросилась 6 м[есяцев] тому назад. В 11 отпевание. Пошел и поехал на трамвае на Смоленское. Моросил дождь. Гроб открыли. Вместо лица через густую вуаль сквозило что-то лиловое, смятое. Прощаясь с ней, служка поднимал вуаль — я не посмотрел, хотя и тянуло. Пахло очень дурно. Было всего человек 20 самых близких друзей».¹³

Тема второго разговора — «четвертое» измерение. Запись корреспондирует целому ряду мемуарных источников.

Например, В. П. Белкин 2 мая 1922 года в письме к А. Я. Яценко рассказывал: «Еще есть человек, с которым мы видимся часто, и не бывают эти общения внутренне бесплодны. Это человек огромного внутреннего опыта и редкого ума. <...> За последние дни нашей темой для разговора служат геометрические соображения о возможности 4-го перпендикуляра к трем же существующим и проходящим через одну общую с ним точку. Такое построение недоступно человеческому представлению, но путем логических предпосылок мы с безусловной очевидностью узнали абсолютность существования этого перпендикуляра. Четвертое измерение есть, а следовательно, есть и иной мир бытия. Словом, наши рассуждения фатально вращаются вокруг этой идеи, как планеты вокруг солнца».¹⁴

Об одержимости Сологуба после гибели жены идеей «четвертого» измерения вспоминали К. А. Сомов (28 мая 1923 года: «Говорили, и больше [всех] говорил Сологуб о таинственном, непонятном, о соединении мертв[ых] с живыми, о снах, о Mesmer'e, о перпендик[улярной] плоскости к земле и т. п.»),¹⁵ П. Н. Медведев («Его страшно занимают четвертое измерение, принцип относительности, проблема строения мира»),¹⁶ Г. Иванов¹⁷ и др.

Рассказ Сологуба о событиях 2 мая 1922 года («явлении» тела Чеботаревской перед окнами его кабинета, прощальном поцелуе, возвращении обручального кольца), зафиксированный Боцяновским во второй записи, подсвечивает реальную и эмоциональную основу большого корпуса поэтических текстов 1920-х годов. В первую очередь, цикла «Анастасия» (1921–1922),¹⁸ а также многих десятков к нему примыкающих, как, например, «К земле уже не тяготя...» (20 мая (2 июня) 1922).¹⁹ В свете рассказа Сологуба о мистической связи с душой ушедшей спутницы стихотворение приобретает сверхреалистическую тональность.

¹¹ Белкин Вениамин Павлович (1884–1951) — художник-график, книжный иллюстратор; в 1921–1922 годах был близок с Сологубом, оформлял его сборник «Фимиама» (Пб.: Странствующий энтузиаст, 1921; совместно с В. М. Конашевичем) и книгу Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 г.» (Пг.: Былое, 1922).

¹² Протоколы и акты, касающиеся извлечения тела Ан. Н. Чеботаревской из Ждановки, см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 174. Л. 11.

¹³ Сомов К. А. Дневник 1917–1923 / Предисловие, подг. текста, комм., сост. приложений П. С. Голубева. М., 2017. С. 634.

¹⁴ Флейшман Л., Хьюз Р., Хьюз-Раевская О. Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 267–268.

¹⁵ Сомов К. А. Дневник 1917–1923. С. 641. Месмер Фридрих-Антон (1734–1815) — австрийский врач; практиковал лечение болезней посредством «животного магнетизма», основанного на гипнотическом внушении.

¹⁶ Павел Медведев о Федоре Сологубе. С. 107.

¹⁷ Иванов Г. Петербургские зимы // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 144.

¹⁸ Цикл стихотворений «Анастасия» см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 371–380.

¹⁹ Впервые: Неизданный Федор Сологуб. С. 105. См. прим. 5 к тексту записи.

Встречи с писателем в дни его тяжелейшей скорби, интимное содержание высказываний предполагали между собеседниками определенную степень близости — короткую (не «журналистскую») дистанцию.

Вплоть до начала 1920-х годов Боцяновский не принадлежал к ближайшему кругу Сологуба, их связывали, главным образом, «цеховые» отношения, в позднейшие годы членство в общественных профессиональных организациях — «Союзе писателей», «Союзе драматических и музыкальных писателей»²⁰ и т. п. Сохранившиеся документы (единичные письма и несколько записок обеих сторон)²¹ степень установившейся близости не проясняют, но позволяют едва заметным пунктиром наметить историю отношений.

Знакомство завязалось предположительно в 1910 году, когда Боцяновский, возглавив редакцию новообразованного журнала «Свободным художествам» (1910–1913) и газеты «Против течения» Ф. Р. Райляна, пригласил Сологуба, имевшего репутацию «модного» писателя, к сотрудничеству.

Имя редактора было хорошо известно Сологубу из критической печати, кроме того, ему принадлежали статьи и рецензии: «„Три сестры“ Чехова и Сологуба»,²² «О плагиате Сологуба»,²³ «Федор Сологуб и недотыкомка»,²⁴ «Федор Сологуб. Собрание сочинений тома IV и VIII»²⁵ и др.²⁶

Каждая из названных статей была написана с большим пиететом к творчеству Сологуба. Боцяновский был одним из первых, кто расширил поле чеховской рецепции в «Мелком бесе», обратив внимание на полемические интонации автора романа не только по отношению к рассказу «Человек в футляре», но и драме «Три сестры». Он же выступил в защиту писателя от обвинений в плагиате.²⁷

Сологуб любезно откликнулся на приглашение Боцяновского участвовать в журнале. Для первого выпуска газеты он дал обширное интервью о современном театре.²⁸ 23 сентября послал в редакцию два стихотворения «Из-за тумана ночного...» (2 августа 1896 года) и «Поняв механику миров...» (27 августа 1909 года). Первое было напечатано в первом же выпуске «Свободным художествам»,²⁹ второе, видимо отложное редакцией для другого номера, на страницах журнала так и не появилось.³⁰

19 октября Сологуб писал Боцяновскому:

«Многоуважаемый
Владимир Феофилович,

Помнится, когда мы беседовали с Вами относительно журнала „Свободным Художествам“, я просил Вас, чтобы журнал и газету мне выслали. Первый номер мне не доставили, и я с трудом его раздобыл, — у газетчиков его почему-то не было, и только

²⁰ См.: Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове. С. 182–184.

²¹ В архиве Боцяновского сохранилось одно письмо Сологуба (ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 650), письмо и две записки Ан. Н. Чеботаревской (Там же. № 714), в архиве Сологуба — одно письмо Боцяновского к Чеботаревской (Там же. Ф. 289. Оп. 5. № 45) и записка к Сологубу (Там же. Оп. 3. № 87).

²² Театр и искусство. 1909. № 27. С. 466–469.

²³ Новая Русь. 1910. 29 марта (11 апр.). № 86. С. 2.

²⁴ Новое слово. 1910. № 11. С. 50–55.

²⁵ Утро России. 1910. 3 июля. № 188. С. 6.

²⁶ В архиве Сологуба хранится собрание вырезок со статьями о его творчестве из периодической печати, которые он получал из Бюро газетных вырезок: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 2–15.

²⁷ См., например: *Картер Ник*. Как пишутся Рождественские рассказы // Биржевые ведомости. 1909. 6 янв. № 10894; *Редько А.* Еще проблема // Русское богатство. 1910. № 1. Отд. 2. С. 130–144. — Ответная статья Боцяновского «О плагиате Сологуба» — см. прим. 23.

²⁸ *Прустлей Т.* [Боцяновский В. Ф.]. У Федора Сологуба // Против течения. 1910. 15 (28) окт. № 1. С. 2–3.

²⁹ Свободным художествам. 1910. № 1 (Октябрь). С. 7.

³⁰ Оба стихотворения были напечатаны в собраниях сочинений: *Сологуб Ф.* 1) Собр. соч.: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1911. Т. 9. С. 139, 223; 2) Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1914. Т. 9. С. 62, 221.

на второй день удалось его купить. Повторяю просьбу о зачислении меня в число подписчиков этого журнала.

Затем позвольте, в интересах самого издания сделать благожелательное сообщение. В первом номере газеты («Против течения». — М. П.) есть изумительный отдел „Мусорный ящик“, и в этот ящик попала книга молодого талантливого писателя Крачковского.³¹ По-моему, это совершенно недопустимое в литературе неприличие.

Нельзя заменить критику грубыми ругательствами, и этот отдел совершенно необходимо уничтожить; поверьте, что ни пользы, ни чести молодому изданию эта несдержанность не принесет. Сама по себе совершенно недопустимая, эта ужасная неловкость усугубляется тем, что в это очень неприятное место помещена книга, в которой есть прекрасные страницы и которая написана безусловно-талантливым человеком. Это, право, очень и очень неудачная и несчастная мысль — запечатать страницы новой газеты таким мусорным отделом; ведь это унижает не автора книги, хотя бы и неудачной, а редакцию газеты, применяющей такие некультурные приемы. Очень прошу Вас сообщить мне, разделяете ли Вы мою точку зрения, и я буду очень рад, если Вы мне скажете, что этого отдела вперед не будет;³² от этого газета только выиграет. — Вообще, по моему мнению, следует совершенно избегать брани и злословия. Вот, напр<имер>, в статье Городецкого говорится про *обалделое* лицо Блока.³³ Зачем это? Для молодой газеты, — утверждаю это самым настойчивым образом, — такие приемы вредны; сведения личных счетов можно совершать не столь публично.

Надеюсь, Вы поверите, что это письмо продиктовано доброжелательством к молодому изданию.

Готовый к услугам
Федор Тетерников». ³⁴

Боцяновский был отнюдь не новичком в журналистике, в 1903–1910 годах он заведовал отделом критики газеты «Русь», где вел библиографическую рубрику «Критические наброски»; в 1907–1908 годах редактировал сатирический журнал «Серый волк». Урок журналистской этики, преподанный Сологубом, не мог не уязвить его, однако был бесполезным. В своем письме Сологуб со всей определенностью высказал, какого отношения к писателям, литературному труду и собственному творчеству он ждет от прессы.

³¹ Крачковский Дмитрий Николаевич (1872–1934) — прозаик, автор нескольких сборников рассказов; в разделе газеты «Мусорный ящик» был назван сборник «Необыкновенный человек» (СПб., 1910) (Против течения. 1910. 15 (28) окт. № 1. С. 6). Крачковский приятельствовал с Ан. Чеботаревской с середины 1900-х годов; посвятил Сологубу роман «Святые грехи» (Пг., 1915), текст посвящения: «дорогому Ф. К. Сологубу с любовью и уважением». См. также некролог: *Крачковский Дм.* Памяти Ф. К. Сологуба // Возрождение (Париж). 1927. 15 дек. № 926. В архиве писателя сохранилось одно письмо Крачковского к нему (от 10 января 1916 года): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 360; и два письма к Ан. Н. Чеботаревской (от 5 мая 1907 года и 15 декабря 1915 года): Там же. Оп. 5. № 138.

³² Рубрика «Мусорный ящик» была упразднена, со второго номера газета «Против течения» выходила без нее.

³³ Подразумевается следующий пассаж из статьи С. Городецкого «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер»: «Собственно говоря, он ничего не делает, как пересказывает свои стихи — занятие заведомо обреченное на неудачу, но все-таки успевает при этом отречься от своего, так хорошо носимого им до сих пор, звания живого поэта, и, убежав за кулисы, переодеться в бутафорский костюм теурга, выскочить с обалделым лицом и наброситься на почтенную публику» (Против течения. 1910. 15 (28) окт. № 1. С. 3). Статья написана по поводу публикации доклада А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 21–30), явившегося откликом на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма» (опубл.: Там же. С. 5–20). В очередной заметке — «О прошлой статье» — Городецкий извинялся: «Там, при передаче впечатлений от статьи Блока, проскользнуло выражение „обалделое лицо“, и, может быть, еще что-нибудь. Отнюдь не от полемического задора, не от хулиганской вседозволенности идет резкость выражения. Она идет от горячности схватки, от ярой любви к защищаемому» (Против течения. 29 окт. № 3. С. 3). Подробнее см. комментарий Д. М. Магомедовой: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8: Проза (1908–1916). С. 403–411.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 650. Л. 1–3 об.

В октябре того же года к Боцяновскому обратилась с просьбой Ан. Н. Чеботаревская:

«Многоуважаемый Владимир Феофилович,

Я собираюсь издать сборник, включающий более или менее исчерпывающие статьи о творчестве Ф. К. Не будете ли Вы т<а>к добры дать мне разрешение на перепечатку В<а>ш<ей> статьи-доклада, читанного в Лит<ературном> Об<ществ>е? Может также одолжите мне текст т<ак> к<ак> в „Утре России“ я заметила неточности и опущения? С приветом Анс. Чеботаревская».³⁵

Боцяновский ответил ей благодарственным письмом,³⁶ пообещав прислать текст своего доклада «Сологуб и Иван Грозный», опубликованного в «Утре России».³⁷ Статья была напечатана в сборнике «О Федоре Сологубе: Критика. Статьи и заметки» (СПб., 1911), в который Чеботаревская включила наиболее ценные положительные критические отзывы (Иванова-Разумника, К. Чуковского, Л. Шестова, З. Гиппиус, А. Белого, И. Анненского, В. Боцяновского, М. Волошина, А. Измайлова и др.), в том числе собственные статьи. Пресса встретила книгу недоброжелательно. Так, например, Измайлов отмечал: «Отрицательные мнения удалены из сборника. Может быть, это придает книге односторонний характер и подчас переводит ее почти в панегирик <...>. Десница Сологуба видна ясно, шуйца его скрыта».³⁸

Впоследствии, как можно заключить из сохранившейся переписки сторон, Боцяновский время от времени бывал у Сологубов. В марте 1911 года Чеботаревская приглашала его на «чашку чая»,³⁹ в октябре 1913 года — на чтение новой повести Сологуба «Барышня Лиза»⁴⁰ (окончена 31 августа 1913 года⁴¹); в ноябре 1916 года через Измайлова передала «милому Владимиру Феофиловичу Боцяновскому» приглашение на чтение пьесы Сологуба «Узор из роз» (по повести «Барышня Лиза»).⁴² В недатированной записке критик сообщал: «В. Боцяновский шлет привет Федору Кузьмичу. Зайду на днях».⁴³

В 1918 году Боцяновский и Сологуб предполагали встретиться в общем литературном проекте. Оба вошли в группу авторов затеянного Измайловым коллективного романа «Чортова дюжина» («Роман тринадцати»), который печатался в летних номерах «Петроградского голоса». До глав Боцяновского, однако, дело не дошло. За два месяца до закрытия газеты Измайлов успел опубликовать четырех из тринадцати заявленных авторов: А. В. Амфитеатрова, Сологуба, В. И. Немировича-Данченко и П. П. Гнедича.⁴⁴

Этими скудными сведениями исчерпывается документированная часть истории отношений Федора Сологуба и В. Ф. Боцяновского, не нашедшая отражения в статьях и очерках мемуариста, но по-своему их дополняющая.

Ниже публикуются записи разговоров В. Ф. Боцяновского с Федором Сологубом, текст воспроизводится по автографу Боцяновского: ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 158. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современной нормой.

Приносим благодарность Н. Н. Лавровой, обратившей наше внимание на неатрибутированные материалы из фонда В. Ф. Боцяновского.

³⁵ Там же. № 714. Л. 3–4.

³⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 45.

³⁷ Утро России. 1910. 17 июля. № 200. С. 3. Текст доклада см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 45.

³⁸ Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. 13 (26) авг. № 186. С. 2.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 714. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 1.

⁴¹ Впервые: Сирин. СПб., 1914. Сб. 3. С. 277–354.

⁴² Впервые: Сологуб Ф. Узор из роз. М.: 2-я студия МХАТ, 1920. См.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 270.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 87.

⁴⁴ Подробнее о романе «Чортова дюжина» см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 280.

21.X.21

У Сологуба

— Я никогда не старался писать как-то особенно, не похоже на других, — говорил мне Сологуб. — Мои рукописи в этом отношении ничего не скажут, как и вообще рукописи писателя мало говорят о процессе его творчества. О стиле и форме писателя нужно судить по окончательной редакции его произведения. Это до некоторой степени служит отражением его внутренней работы. А первоначальный набросок — это лишь то, что записывается писателем, чтобы не забыть, и потом только совершенствуется. Писатели поступают двояко: одни, обладающие хорошей памятью, долго вынашивают вещь в себе и потом записывают ее почти в окончательной форме. Другие — торопятся записать, чтобы не забыть. Мопассан, напр<имер>, первые свои вещи писал почти без помарок, а последние романы, когда у него начинался прогрессивный паралич, полны помарок и исправлений, потому что он уже не надеялся на память.¹ Я лично часто дополняю свой текст вставками, но делаю это по требованию интуиции. Над инструментровкой мне также задумываться и работать не приходится. Внутренний текст толкает одно слово за другим, то именно, какое в данный момент требуется. Форма у меня неразрывно сливается с содержанием и им обуславливается. У всякого писателя и поэта прежде всего действует бессознательно лирическое волнение, лирическое волнение влечет за собой стремление дать ему то или иное конкретное выражение и здесь уже воплощается в слово, материализуется в речи.

7 мая 1922.²

— Эти пол года, — говорит Сол<огуб>, — я ничего не делаю, и если пишу, то лишь лирические стихотворения интимного содержания.³ Все силы духовные направлены к разрешению вопроса о душе и ее бессмертии. И я пришел к вполне определенному выводу, что умирает только земной человек, шелуха отваливается. Душа остается, продолжает жить. Особенно душа определенно индивидуальная, сконцентрированная, такая, как была у Анаст<асии> Никол<аевны>. Я чувствую ее живой настолько, что ни разу не назвал ее и не могу назвать «покойной». Она здесь, рядом со мной. И в самом деле, на днях еще мы были у Судейкиной.⁴ Она читала мне и прямо сказала про Ан<астасию> Н<иколаевну>: «Она близко, она около вас». А ведь она еще не знала, что тело Ан<астасии> Ник<олаевны> находилось действительно рядом с квартирой моей, в Ждановке.⁵ Когда вчера я прощался с ней и поцеловал ее в губы, я чувствовал, что она ответила мне тоже поцелуем.⁶ Это душа — нечто вечное. Существо, сидящее внутри нас и чувствуемое нами при жизни. Оно командует мной, распоряжается.

— Почему же, однако, — заметил я, — души близких нам друзей после смерти точно забывают о нас и не приходят с нами в соприкосновение.

Сологуб значительно на меня посмотрел и сказал:

— Вы ошибаетесь. Я эту близость испытал на себе определенно. И вот вам факты. Я очень тосковал, что у меня не осталось ее обручального кольца.⁷ Написал стихотворение, в котором умолял вернуть это кольцо.⁸ 2-го Мая я сел за машинку переписывать стихотворение, и в тот самый час она принесла его мне, явившись на Ждановке.⁹ Она исполнила мою просьбу. Потом другой факт. Еще в декабре месяце я написал колыбельную песенку с припевом «бай-бай».¹⁰ Без всякой определенной мысли, только подчиняясь совершенно произвольно ритму песни, я заговорил о Мае. И вот она явилась в Мае. Не 1-го Мая, не в пролетарский праздник, которого она не признавала, как не признавала большевиков, кровавых людей, а 2-го Мая, т. е. в первый, ближайший майский день.

Затем он обратил внимание мое на их последнюю фотографию. Сологуб стоит еп фесе, а она обняла его и стоит к зрителю спиной, так что лица не видно.¹¹ Фотография была сделана за несколько дней до самоубийства.

По словам С<ологуба>, Чеботар<евская> сама сознавала, что с ней творится что-то неладное, и даже определенно знала, что страдает психастенией. У нее в этом отношении была плохая наследственность. Ее мать повесилась, будучи 29 лет.¹² Первый

припадок болезни у А<настасии> Н<иколаевны> был в 1914 г<оду>, в начале войны. Навязчивой идеей, которая мучила ее последнее время, была мысль о том, что ей необходимо пожертвовать собой для спасения Сологуба,¹³ страдавшего грудной жабой. Смерть Блока в этом отношении на нее особенно подействовала.

— Ан<астасия> Н<иколаевна>, — говорил С<ологуб>, — была любвеобильный человек. Если она в ком-нибудь находила хоть что-нибудь хорошее, она буквально влюблялась в такого человека и прощала ему все его недостатки. Так она любила Блока, извиняя и его юдофобство, и его заигрывание с большевизмом. Когда он умер, мы были в Костроме,¹⁴ и смерть его страшно ее потрясла.¹⁵ Затем вторая смерть — смерть Гумилева.¹⁶ Она была уверена, что должна последовать в литературной семье нашей третья смерть и что умереть должен я, как болевший грудной жабой. Чтобы обезоружить судьбу и защитить меня, она решила пожертвовать собой. Это был замечательный человек. Я только теперь ее узнаю, когда знакомлюсь с ее дневниками, ее письмами¹⁷.

Между прочим, приводя в порядок и свои бумаги («хочу, чтобы у меня все было приготовлено на всякий случай»), Сол<огуб> подметил действительно очень интересный факт.

— Я, — говорит он, — имею обыкновение всегда очень точно датировать каждое свое стихотворение.¹⁸ И вот я теперь, приводя в порядок эти, в большинстве даже напечатанные стихотворения, — я всего не успевал печатать, — вижу, что в моей работе были какие-то волны, течения. Бывали дни, когда я писал по 30 стихотворений в день,¹⁹ и зато бывало время, когда я точно высохал и не мог написать ни одной строчки. Можно установить периоды. Бывали волны короткие, в 2–3 года, бывали в 7 лет и т. д. Я просматриваю стихотворения Пушкина и вижу, что и в его творчестве наблюдаются подобные же волны. Говорят обыкновенно, что Пушкин бросил стихи и перешел к прозе. А я убежден, что это только временное затишье в лирическом творчестве великого поэта и что если бы не смерть, то у него через несколько лет начался бы новый прилив творчества, который дал бы нам недостижимые образцы лирической поэзии.²⁰

Опять разговор перешел на тему о смерти, о четвертом измерении. Сологуб допускает возможность не только четвертого, но и пятого и шестого измерений. Все это наглядно мне демонстрирует, даже при помощи рисунков. Взял кусочек бумаги, капнул на нее чернилами, затем согнул. Получился симметрический рисунок. На этом рисунке он мне демонстрировал, как представляется мир существу двух измерений, которое никак не может себе представить возможности такой простой операции, как наложение одной половинки бумажки на другую и т. д. Он весь ушел в эту область, в которую вносит иллюстрации из своей собственной жизни. По его наблюдениям, напр<имер>, смерть близких ему людей удивительно совпадала с его личными успехами.

— Мой отец, — рассказывает Сол<огуб>, — умер, когда мне было всего четыре года,²¹ и это, конечно, на моей жизни не отразилось, но в дальнейшем это безусловно так. Я начал свою литературную деятельность рано, но меня не замечали: ни моих стихов, ни моей прозы. У меня было две грани: первый мой успех был связан с напечатанием в «Север<ном> Вестн<ике>» рассказа «Тени»,²² и второй с романом «Мелкий Бес».²³ И как это ни странно такое совпадение, а первый <успех?> последовал после смерти сестры, а второй — после смерти матери.²⁴ Роман «Мелкий Бес» печатался в журнале «Вопросы Жизни».²⁵ На него никто не обратил внимания. Затем умирает моя мать.²⁶ Роман выходит в отдельном издании, и о нем говорят, пишут, начинается мой настоящий успех.

Сол<огуб> верит в силу *слова*, особенно сказанного даже без особого значения. Слова, как заклинания.

— Никогда не забуду, — рассказывает он, — случая с Вячесл<авом> Ивановым. Я тогда еще жил на Острове, в доме Андреевского училища.²⁷ Вяч. Иванов был у меня с женой перед отъездом на каникулы. Прощаясь с сестрой, он сказал: «Ну, всего хорошего. Желаю вам счастливого пути и не возвращаться». Конечно, он сказал это неловко, так вышло. Ему хотелось выразить пожелание, чтобы сестра подольше там пожила, чтобы там ей было хорошо. А вышло иначе. И ведь что же? У Вячесл<ава>

Ив<анова> умирает жена,²⁸ а через год умирает и моя сестра. Проходит некоторое время, Вяч. Ив<анов> уже был женат второй раз.²⁹ Умирает его жена, а через год умирает моя мать.³⁰

¹ Сологуб был знатоком и ценителем творчества Ги де Мопассана, ему принадлежат переводы ряда рассказов писателя, романа «Сильна как смерть» в собраниях сочинений, выпущенных издательствами «Шиповник», «Пантеон» (1912) и «Всемирная литература» (1919), ряд переводов вышел под его редакцией; а также статья «Смертный лик Гюи де Мопассана» (*Мопассан Г. де*. Полн. собр. соч.: В 30 т. СПб., 1912. Т. 30: Жизнь и творчество Гюи де Мопассана. Статьи Эд. Маниаля, Поля Невэ и Федора Сологуба. СПб.: Шиповник, <1912>. С. 265–266). Подробнее об этом см.: *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. СПб., 2010. С. 39–73; *Филличева В. В.* Ф. Сологуб — редактор в издательстве «Всемирная литература» // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 416. С. 24–29.

² Надписано сверху карандашом.

³ После 1918 года Сологуб практически оставил художественную прозу. Последние его рассказы: «Золотой диск: Доброй зиме о злом лете» (Вечерний звон. 1917. 28 дек. № 17. С. 3) и «Сочтенные дни» (Альманах книгоиздательства «Творчество». М.; Пг., 1918. Кн. 2). Роман «Заклинательница змей», увидевший свет в 1921 году одновременно в двух издательствах (Пг.: Эпоха; Берлин: Слово), в общих чертах был завершен незадолго до 1918 года. То же относится к рассказам, за исключением титульного, сборника «Сочтенные дни» (Рига: Библиофил, 1921). Впоследствии ни один из замыслов в прозе, ни одно начатое произведение, как, например, романы «Богдыхан» (1918), «Опостен» (1924–1926), «Индукция» (1927) и др., осуществлены не были. См. об этом: *Павлова М. М.* О двух неизвестных памфлетах Ф. Сологуба «Богдыхан» и/или «Китайская республика равных» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 330–342; *Сологуб Ф.* Тетрадь последнего лета / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 1010–1012; Из поздних замыслов Федора Сологуба: Фрагмент романа «Опостен» (1925–1926) / Публ. М. М. Павловой // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 506–517.

⁴ Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945) — актриса, танцовщица, художница, скульптор, переводчица; подруга А. А. Ахматовой; первым браком замужем за С. Ю. Судейкиным, вторым за А. С. Лурье; с 1924 года в эмиграции. Очерк дружеских отношений Сологуба и Судейкиной (1907–1920-е) см.: *Мок-Бикер Э.* «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовне Судейкиной / Сост. и науч. ред. Ю. Молок; пер. с фр. В. Румянцевой; предисловие и комм. Н. И. Поповой. Париж; СПб., 1993. С. 80–85, 194–198; см. также: *Глебова-Судейкина О. А.* Два письма к Ф. К. Сологубу / Публ. и прим. И. Кравцовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 222.

⁵ Рассказ о происшествии приведен в романе Ольги Форш «Сумасшедший корабль»: «Через полгода художник, их знакомый, живший в том же доме, куда переехал после печального события и поэт, шел по берегу реки. У самого дома он приметил толпу. Подошел. На большой льдине лежала женщина в том костюме, который был описан в объявлении. Только черных волос у ней больше не было. Волосы, от природы слабые, выела вода. Голова была белая, как болванка парикмахера, как колено. Но он ее узнал. Он пошел и сказал мужу-поэту. Тот не удивился. На минуту окаменел. Его лицо желтой слоновой кости стало белым. Но поступью патриция времен упадка он важно прошествовал к трупу и, сняв с ее руки обручальное кольцо, надел на руку себе» (*Форш О.* Сумасшедший корабль. Л., 1988. С. 96).

⁶ См. три заключительных строфы стихотворения «К земле уже не тяготей...» (20 мая (2 июня) 1922 года):

И в час, когда моя машинка
Выстукивала скорбный зов,
Последняя стремилась льдинка
Ее вдоль мертвых берегов.

Земные люди увидели
Ее спокойное лицо,
С ее руки простертой взяли,
И возвратили мне кольцо,

И я, от скорби камней,
Поцеловал ее в уста, —

Меня лобзала Алетея,
Светла и пламенно чиста.

Впервые: Неизданный Федор Сологуб. С. 105. Алетея (*греч.* Ἀλήτης) — истина. По наблюдению И. С. Тимченко, возможна этимологическая связь с именем «Алетис» из комедии Габриеле Д'Аннунцио «Пизанелла, или Благоуханная смерть» (рус. пер.: Пг., 1922). По предположению М. И. Дикман, Алетея в представлении Сологуба — незабвенная, т. е. неподвластная Лете — реке забвения в царстве мертвых (*Сологуб Ф.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. М. И. Дикман. Л., 1979. С. 630 (Библиотека поэта. Большая сер.)). Устойчивый образ Чеботаревской в лирике Сологуба 1920-х годов.

⁷ Среди особых примет, перечисленных в объявлении о розыске Ан. Н. Чеботаревской, Сологуб назвал обручальное кольцо (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 174. Л. 1). Супруги придавали чрезвычайное значение символике обручального кольца. В лирике Сологуба «кольцо» — один из центральных топосов (см. об этом рассказ Т. Л. Щепкиной-Куперник (в пересказе Н. М. Любимова): *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 356).

⁸ См. стихотворение «Молчи, слагающая песни!..» (13 (26) ноября 1921 года; ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 21. Л. 53):

Молчи, слагающая песни!
В недобрый час ты мне дана.
Любовь, любовь моя, воскресни,
Встань, воспрянь с речного дна!

Смотри, я плачу, словно мальчик.
Мне ненавистно бытие.
Мое кольцо на смуглый пальчик
Надела ты, — кольцо — мое!

Отдай, отдай его мне, злая!
Я без него не смею жить.
О тайнах вечности гадая,
Над ним я должен ворожить.

В обводе золота литого
Моя душа и жизнь моя.
Не надо ничего иного
Мне в темной яме бытия.

⁹ См. текст стихотворения, прим. 6.

¹⁰ Речь идет о заключительных строках стихотворения «Колыбельная Насте» («В мире нет желанней цели...»), 30 ноября (13 декабря) 1921 года: «Светоносный, Божий Май / Настю в светах покачай». Впервые: Неизданный Федор Сологуб. С. 102.

¹¹ Фотография хранится в Литературном музее Пушкинского Дома. Опубл.: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004. С. 228–229.

¹² Мать А. Н. Чеботаревской — Анастасия Николаевна Чеботаревская (1851?–1879/1880), из рода грузинских князей Агей-Швили, покончила с собой вследствие душевной болезни, оставив шестерых детей. Недуг матери унаследовали Анастасия и старшая в семье — Александра (см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 250).

¹³ Сологуб считал самоубийство жены жертвенным поступком. Эту версию гибели Чеботаревской, видимо, с его слов, приводит в мемуарном очерке о Сологубе Иванов-Разумник: «Скончался Блок, расстрелян Гумилев, — и А. Н. Чеботаревская решила, что „судьба жертв искупительных просит“, намечая к гибели трех больших русских поэтов: третьим будет Сологуб. Но его можно еще спасти, если кто-нибудь пожертвует собой за него: вот она и бросилась в ледяную воду Невы с Тучкова моста...» (*Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 44). Аналогичное свидетельство встречается у Н. Оцуна (см.: *Оцун Н.* Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 525–526). См. первое стихотворение цикла «Анастасия» «Унесла мою душу...» (15 (28) ноября 1921 года; впервые: *Сологуб Федор.* Стихотворения. С. 448):

Унесла мою душу
На дно речное.

Волю твою нарушу, —
Пойду за тобою.

Любила меня безмерно,
Все отдала, не считая.
Любви беспредельной верный
В жертвенном пламени тает.

Не спасешь меня смертью своею,
Не уйдешь от меня и за гробом.
Ты мне — камень на шею,
И канем мы оба.

¹⁴ С 1916 года Сологуб и Чеботаревская арендовали имение М. И. Набатовой Княжнине под Костромой. О смерти А. Блока (7 августа 1921 года) они узнали в деревне. Последний раз в Княжнине Сологуб выезжал летом 1923 года. Подробнее об этом см.: *Зверева Я. В.* Федор Сологуб в Костроме 1916–1920 годов // *Русская литература*. 2015. № 1. С. 171–182.

¹⁵ См.: «Ан<астасия> Ник<олаевна> была потрясена смертью Блока, во время кот<орой> она была в Москве, и даже говорила: „Не хочется возвращаться в Петербург без Блока — мертвый город!“» (Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко. С. 494).

¹⁶ Н. С. Гумилев был арестован 3 августа 1921 года по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» и расстрелян 26 августа.

¹⁷ Творческие рукописи и переписка Ал. Чеботаревской сосредоточены в архиве Ф. Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4, 5; дневник см.: Там же. Оп. 6. № 172.

¹⁸ Все поэтические тексты Сологуба, за единичными исключениями, снабжены авторскими датировками. Кроме того, он систематически вел хронометраж своего творческого процесса, фиксируя стихотворения в авторской хронологической картотеке (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 543–545).

¹⁹ Сологуб написал 30 стихотворений 11 (24) июля 1920 года в Княжнине. См.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб. Т. 3: Стихотворения и поэмы 1914–1927 (сер. «Литературные памятники»). В печати.

²⁰ Ср.: «...обычно к зрелости и старости в художнике над поэтом торжествует прозаик, иссякает творческая сила, замирает колдовство лирической стихии и эпик-прозаик вступает в свои права. Так было с Пушкиным, с Тютчевым, с Блоком. У Ф. Сологуба — наоборот: лучшая проза — „Мелкий бес“ — прежде, лучшие стихи — теперь, на склоне дней. Воистину, торжество поэта — вся жизнь, судьба и путь Ф. Сологуба» (*Медведев П.* Последние книги Ф. К. Сологуба // *Записки Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской*. 1924. № 69 (15 января). С. 1).

²¹ Отец Сологуба — Кузьма (Косьма) Афанасьевич Тетерников (наст. фам. Тютюнников) — петербургский портной, умер от туберкулеза в 1867 году.

²² Впервые: *Северный Вестник*. 1894. № 12. С. 7–20.

²³ Имеется в виду первое отдельное издание романа «Мелкий бес» (СПб., 1907).

²⁴ Ошибка Боцяновского: в 1894 году скончалась мать Сологуба — Татьяна Семеновна Тетерникова, в 1907 году — сестра Ольга Кузьминична.

²⁵ В 1905 году в журнале «Вопросы жизни» (№ 6–11) были напечатаны главы 1–24 романа «Мелкий бес», публикация прервана в связи с прекращением журнала.

²⁶ См. прим. 24.

²⁷ С 1899 по 1907 год Сологуб служил в должности учителя-инспектора в Андреевском городском четырехклассном мужском училище и жил в казенной квартире при училище (угол 7-й линии В. О. и Днепровского пер., д. № 20/2).

²⁸ Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1866–1907) скоропостижно скончалась 17 октября 1907 года от скарлатины; сестра Сологуба, страдавшая наследственным туберкулезом, умерла 28 июня 1907 года.

²⁹ Боцяновским допущена неточность. В. И. Иванов был женат первым браком (1882–1896) на Д. М. Дмитриевской (1864–1933); вторым браком (1895–1907, венчались тайно в 1899 году) на Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Шварсалон Вера Константиновна (1890–1920) — падчерица В. И. Иванова (дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака) была его третьей женой (с 1910 года).

³⁰ Последние четыре слова дописаны карандашом. Вероятно, описка: имеется в виду Ан. Н. Чеботаревская.